

Екатерина В. Вельмезова
(Москва)

ЗАМЕТКА О ПЕРФОРМАТИВАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЧАЛА ДЕЙСТВИЯ В ЧЕШСКИХ ЗАГОВОРАХ

Czasowniki performatywne ze znaczeniem początku czynności, występujące w czeskich zamówieniach chorób, np. *počínati*, *začínati* 'zaczynać', *počítí*, *započítí* 'zacząć', łączą się z czasownikami performatywnymi, oznaczającymi magiczny proces mówienia, zamawiania, leczenia: *žehnati* 'zamawiać', *vzývati* 'wzywać', *zahánati* 'przegnać'.

Czasowniki pierwszego typu, tj. oznaczające początek czynności, uczestniczą w tworzeniu paralelizmu, angażującego z jednej strony subiekt zamówienia (zamawiającego), z drugiej — czynności Jezusa Chrystusa, jedynie bowiem spośród wszystkich działających rozpoczynają magiczne działania. Czynności magiczne zamawiającego uzyskują na skali czasu charakter otwarty: przy każdej realizacji zamówienie otrzymuje magiczną siłę dzięki możliwości powrotu do „mitycznego czasu”, a ludzkie czynności upodabniane są do aktów kosmogonicznych.

Paralelizm czynności, konkretnych wykonawców i sił zewnętrznych wznosi się na poziom ważnych archetypów ludzkiej działalności i otrzymuje możliwość nieskończonego powtarzania. Zamówienie funkcjonuje w czasie cyklicznym, mitycznym, łączącym w sobie pojęcia początku i końca w odróżnieniu od profanum — liniowego czasu historycznego. Performatywne czasowniki wyrażające początek czynności okazują się w czeskiej tradycji punktami styku tego, co świeckie i ludzkie (zamawiający) z sakralnym i magicznym (życie i działania Chrystusa).

Так делали боги, так делают люди.

Индийска пословица

Предметом анализа в настоящей работе станут перформативные глаголы со значением начала действия, употребленные в лечебных

заговорных текстах чешской этнокультурной традиции — традиции, наиболее детально нами изученной¹.

Хорошо известно, что в перформативах язык реализует функцию близкую к магической — тем самым особенного внимания заслуживает изучение употребления перформативов именно в магических фольклорных текстах — заговорах и заклинаниях. Является ли весь заговорный текст перформативом уже по своей природе? Можно ли считать перформативным вообще всякий глагол, употребленный в заговоре в форме первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения? — и, следовательно, полагать, что произнесение заговора тем самым вызывает к жизни универсум, существующий в совершенно особых пространственно-временных координатах, мир, в котором обитают заговорные персонажи и совершаются их магические действия? Что, в таком случае, имеют в виду исполнители русских заговоров, произносящие: „Кладу я, раб Божий, поклажу, каменным тыном ограживаю, каменной дверью запираю, за тридевять замков, за тридцать ключей” (Майков 1994, 104); „Колю, колю, закалываю, золотуху заговариваю” (Смирнов, Ильинская 1992, 41); „Заедаю, загрызаю все двенадцать болезней” (там же, 44) — вполне определенные метафорические образы или же непосредственную апелляцию к некоему универсуму, в котором все эти действия якобы действительно происходят?

Последняя точка зрения, конечно, имеет право на существование — однако непосредственная цель нашей работы будет состоять не в поисках возможных обобщений и генерализаций, а в описании конкретной группы глаголов, употребленных в чешских заговорных текстах, а именно — глаголов с семантикой начала действия.

При составлении семантического словаря-тезауруса чешских лечебных заговоров² нами было обнаружено, что большинство встречающихся в них глаголов, обозначающих начало действия (*počínati*, *začínati*, 'начинать', *počítí*, *započítí* 'начать'), характеризуют действия заговорного субъекта³. Данные слова могут вводить и перформативные глаголы — обозначения магического процесса говорения, заговаривания, исцеления в целом (*žehnati* 'заговаривать', *vzývati* 'взывать', *zaháněti* 'прогонять', *lekovati* 'лечить', *dělati* 'делать', *slívati* 'сливать' и т.д.). Вот

¹ См. [Вельмезова 1999].

² Словарь-тезаурус составлялся по методу разработанному С. Е. Никитиной (Никитина 1993).

³ Под субъектом заговора мы будем понимать непосредственного исполнителя заговорного текста, в случае автотерапии совпадающего с его объектом, то есть тем конкретным больным, на исцеление которого и направляется заговор.

несколько примеров: „*Začínám ve jménu Otce i Syna i Ducha svatého*”⁴ „Начинаю во имя Отца, и Сына, и Духа святого” (Vondráček 1903, 244; Matiegka 1936, 317); *započínám já své věci, nie zlú mocí, božjú mocí, s Krista Pána dopomocí* „Начинаю свои дела не злой силой, божьей силой, с помощью Господа Христа” (Černíka 1909, 234); *Ve jménu Otce, Syna i Ducha svatého! Začínám žehnati, Boha Otce, Boha Syna, Boha Ducha vzývati* „Начинаю заговаривать, к Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу взывать” (Košťál 1904, 173); *já hříšná počínám N. (jméno nemocného) žehnati, zaháněti, ne svou mocí, ale s Pánem Ježíšem a jeho velebnou pomoci* „Я, грешная, начинаю Н. (имярек) заговаривать, прогнать, не своей силой, но с Господом Иисусом и его священной помощью” (Bruna 1913, 139); *Bůh Otec, Bůh Syn, Bůh Duch svatý! Já počínám lekovati* „Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух святой! Я начинаю лечить” (Smola 1885, 340); *ve jménu Ježíše Krista počínám lekovati na ten studený jed* „Во имя Иисуса Христа начинаю лечить этот студень яд” (Mikolášek-Skalský 1903, 175); *ve jménu Ježíše Krista počínám lekovati na tuto neštovice* „Во имя Иисуса Христа начинаю лечить этот прыщ Н. (имярек)” (там же); *ve jménu Ježíše Krista počínám lekovati na tuto růži* „Во имя Иисуса Христа начинаю лечить эту розу” (там же); *ve jménu Ježíše Krista počínám lekovati na ty stříle* „Во имя Иисуса Христа начинаю лечить эти стрелы” (там же); *ve jménu Ježíše Krista počínám lekovati na toto znamení* „Во имя Иисуса Христа начинаю лечить это знамение” (там же); *ve jménu Boha Otce, i Syna, i Ducha svatého. Já N. počínám M. lekovati na tyto škrkavičky* „Во имя Бога Отца, и Сына, и Духа святого. Я Н. (имярек) начинаю М. (имярек) лечить эти (маленькие) глисты” (Průcha 1903, 192); *já hříšná počínám nátku žehnati ne svou mocí, ale Pána Boha pomocí* „Я, грешная, начинаю натку заговаривать не своей силой, но с помощью Господа Бога” (Bruna 1913, 140); *ve jméno Boha Otce, Boha Syna a Boha Ducha svatého počínám dělati vodičku tomuto člověku pro ouřku vyteklu* „Во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа святого, начинаю делать водичку вытекшую этому человеку, чтобы лечить слез” (Svoboda 1904, 214); *Pán Bůh lekoval, já po něm; já počínám stříly slívati* „Господь Бог лечил, я после него; я начинаю стрелы сливать” (Průcha 1903, 191).

Помимо этого, в большом количестве случаев глаголами, обозначающими начало действия, автоматически проводится параллелизм действий субъекта заговора, с одной стороны, — и Иисуса Христа, с другой. Дело в том, что оба эти персонажа — и, среди всех действующих

⁴ Во всех приводимых в статье примерах из чешских заговорных текстов сохранятся орфография и пунктуация оригинального источника, указываемого в работе.

щих лиц в заговоре, только они — *начинают* некоторые значимые, магические действия: *Bože, ráčíš počítí, já N. počínám žehnati* „Господи, ты изволишь начать, я Н. (имярек) начинаю заговаривать” (Vlasáková 1906, 202); *Bože, ráčíš počítí, já N. počínám vodu dělati* „Боже, ты изволишь начать, я Н. (имярек) начинаю воду делать” (там же); *ve jménu Boha Otce, Syna, Duchu sv. Pán Bůh počal, Pán Bůh počal, Pán Bůh počal a já za ním počínám pro poštipání vodu dělati* „Во имя Бога Отца, Сына, Духа святого. Господь Бог начал, Господь Бог начал, Господь Бог начал, а я за ним начинаю воду готовить, чтобы лечить укусы” (Křemen 1910, 382); *ve jménu Boha Otce, Syna, Duchu sv. Pán Bůh počal, Pán Bůh počal, Pán Bůh počal — a já za ním počínám kříž dělati, lišej žehnati* „Во имя Бога Отца, Сына, Духа святого. Господь Бог начал, Господь Бог начал, Господь Бог начал — а я за ним начинаю крестить, лишай заговаривать” (там же); *Pánbůh počal, já taky počnu po jeho božský milosti* „Господь Бог начал, я тоже начну, его божьей милостью” (Sizmář 1946, 125); *Pán Bůh počal, já N. po jeho svaté milosti božské* „Господь Бог начал, я Н. (имярек) (начинаю) его святой милостью божьей” (Teige 1898, 285).

Как можно видеть, в большинстве своем данные глаголы лишь в первом случае — то есть будучи связанными с обозначениями заговорного субъекта — употребляются в характерной „перформативной” форме первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения. Однако внимания в данном случае заслуживает в основном именно тот факт, что, отнесенные лишь к двум из всего множества заговорных персонажей (заговаривающий/Христос), являющиеся в большинстве случаев перформативными глаголы с семантикой начала в заговорном тексте тем самым устанавливают параллелизм между действиями (и качествами!) субъекта заговора и всемогущего Иисуса Христа. Тем самым магические возможности первого растягиваются на временной шкале до бесконечности: получается, что в своем конкретном исполнении заговор каждый раз заново приобретает магическую силу благодаря возможности все время возводиться к однажды начавшемуся сакральному „мифическому прадействию”, по выражению М. Элиаде.

Дело в том, что в любом сакральном — в том числе, и в заговорном — действии, как это показал исследователь⁵, так или иначе происходит уподобление соответствующих человеческих действий актам космогонии, деяниям могущественных сверхъестественных существ. Тем деяниям, которые являются и будут являться впоследствии образцом

⁵ См. напр. (Элиаде 1987).

для всех человеческих обрядов и всех сколь бы то ни было существенных видов деятельности. Вот что он писал: „В проявлениях своего сознательного поведения «первобытный», архаический человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком. То, что он делает, уже делалось. Его жизнь — непрерывное повторение действий, открытых другими” (Элиаде 1987, 33).

Все это наглядно прослеживается на примерах заговорных текстов, которые, во многом благодаря проводимому в них параллелизму действий их конкретных исполнителей и сверхъестественных существ (будь то боги, культурные герои или мифологические перво-предки⁶) возводятся на уровень значимых архетипов человеческой деятельности⁷, получая возможность бесконечного повторения. Становится возможным, таким образом, говорить о существовании заговора во времени циклическом, мифологическом, соединяющем в себе сами понятия начала и конца — в отличие от профанного, линейного исторического времени. И именно перформативные глаголы со значением начала действия оказываются в чешской традиции „точками пересечения” профанного и человеческого (субъект заговора) с сакральным и магическим (жизнь и деяния Иисуса). Следовательно, о „магическом” характере и функции некоторых перформативных глаголов в магических фольклорных текстах позволяет говорить не только их форма и соответствующее семантическое наполнение, но и определенные внутритекстовые связи.

Литература

- Вельмезова Е., 1999, *Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор*. Опыт исследования семантической структуры. Канд. дисс. Москва.
- Майков Л. Н., 1994, *Великорусские заклинания*. Санкт-Петербург.
- Никитина С. Е., 1993, *Устная народная культура и языковое сознание*, Москва.
- Смирнов Ю. И., Ильинская В. Н., 1992, „*Встану я благословясь...*” *Лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области*, Москва.
- Элиаде М., 1987, *Космос и история*. Москва.

⁶ Ср. индийские пословицы: „Так делали боги, так делают люди”; „мы должны делать то, что делали вначале боги”.

⁷ Напомним, что, в отличие от К. Г. Юнга, называвшего архетипами структуры коллективного бессознательного, — в этом значении слово *архетип* и употребляется чаще всего в современных языках — М. Элиаде подразумевал под архетипами действия, которые могли являться образцом для подражания.

- Brůna R., 1913, *Zaříkadla z Neveklovska* // Český lid.
- Černíka J., 1909, *Zpěvy moravských kopaničářů* // Český lid, 1909.
- Čižmář J., 1946, *Lidové lékařství v Československu*, Sv. 1–2. Brno.
- Košť'al J., 1904, *Zařikávání na všechny nemoci* // Český lid.
- Křemen, J., 1910, *Zařikávání a čarování řičící ve Vavřinci u Uhl. Janovic* // Český lid.
- Matiegka J., 1936, *Lidové léčení* // Československá vlastivěda. Řada II. Národopis, Praha.
- Mikolášek-Skalský V., 1903, *Zařikávání z Písecka* // Český lid.
- Průcha E., 1903, *Zaříkadla v nemocech na Bernardicku* // Český lid.
- Smola J., 1885, *Lékovadla či zařikávadla* // Květy.
- Svoboda G., 1904, *Starodávná lekovadla nemocí* // Český lid.
- Tejge J., 1898, *Čarodějná doktorka z r. 1641* // Český lid.
- Vlasáková J., 1906, *Zažehnávání dětí ze Žíželic n. Cidlinou* // Český lid.
- Vondráček A., 1903, *Zařikání proti souhotinám z Hořovicka* // Český lid.

SOME REMARKS ON ACTION-INITIATING PERFORMATIVES IN CZECH MAGIC SPELLS

In spells relating to diseases, Czech performative verbs such as *počínati*, *začínati* 'to begin-IMPERF', *počítí*, *začítí* 'to begin-PERF', designating the beginning of an activity, can be associated with performatives designating the process of speaking, casting a spell or healing: *žehnatí* 'to cast a spell', *vzývati* 'to call (somebody)', *zahánati* 'to chase away'.

The first category of verbs participate in creating a parallelism in which the active agents are, on the one hand, the subject of the spell (the sorcerer), and on the other hand Jesus Christ. For, it is only the sorcerer, similarly to Christ, that can initiate meaningful magic actions. The magic actions of the sorcerer acquire an open character on the time arrow: with each instance of its realization, a spell receives magic power thanks to its ability to return to the 'mythical primaeval time'. In the process, human actions are likened to cosmogonic acts.

The parallelism of actions, concrete doers and external forces is raised onto the level of important archetypes of human activity and receives the ability to reappear infinitely. Contrary to the profane linear historical time, a spell functions in cyclical, mythical time, which combines the ideas of the beginning and end. In the Czech tradition, performative verbs of the beginning of an action prove to be points of convergence of what is human and secular (the sorcerer) with magic and the sacred (the life and deeds of Jesus Christ).